

Друзья и гости Ясной Поляны.

Шведъ Абраамъ фонъ-Бунде.

Онъ пріѣхалъ въ Ясную Поляну ранней весной голоднаго 1892 года. Въ то время въ Ясной никого не было. Мать съ младшими дѣтьми жила въ Москвѣ, а отецъ съ нами, двумя старшими дочерьми, жилъ въ Бѣгичевкѣ, имѣніи Раевскихъ въ Рязанской губерніи, устраивая столовые для голодающихъ крестьянъ.

Не найдя никого въ Ясной, шведъ отсюда направилъ свой путь въ Бѣгичевку. Пріѣхавъ туда, онъ тамъ поселился, какъ будто это мѣсто было мѣстомъ его назначенія на всю жизнь.

30 апрѣля 1892 года отецъ пишетъ матери въ Москву: „Нынче пріѣхалъ оригинальный старикъ шведъ изъ Индіи...“ А 2 мая онъ пишетъ о немъ подробнѣе: „Еще три дня тому назадъ явился къ намъ старикъ, 70-тилѣтній шведъ, жившій 30 лѣтъ въ Америкѣ, побывавшій въ Китаѣ, въ Индіи, въ Японіи. Длинные волосы, желто-сѣдые, такая же борода, маленькій ростомъ, огромная шляпа, оборванный, немного на меня похожъ; проповѣдникъ жизни по закону природы. Прекрасно говорить по-англійски, очень уменъ, оригиналенъ и интересенъ. Хочетъ жить гдѣ-нибудь (онъ былъ въ Ясной), научить людей, какъ можно прокормить 10 человѣкъ одному съ 400 сажень земли безъ рабочаго скота, одной лопатой. Я писалъ Черткову о немъ и хочу направить его къ нему. А пока онъ тутъ копаешь подъ картофель и проповѣдуетъ намъ. Онъ вегетаріанецъ безъ молока и яицъ, предпочитаетъ все сырое. Ходитъ босой, спитъ на полу, подкладываетъ подъ голову бутылку и т. п.“

Черезъ нѣсколько дней отецъ опять въ своемъ письмѣ поминаетъ о немъ: „Теперь 9 часовъ вечера, суббота. За столомъ, на которомъ стоятъ самоваръ, который шведъ называетъ „идоломъ“, сидятъ: (идетъ перечень лицъ, сидящихъ за столомъ) и шведъ, съѣвшій яблоко и больше ничего не желающій. Про него говорятъ, что онъ самый антихристъ; онъ обѣщаетъ прокормить 20 человѣкъ на осминникѣ, и копаешь уже, но съ уговоромъ, чтобы ему душу продать“.

Отец не писалъ матери въ Москву, боясь ее встревожить, о томъ, что онъ увлекся теоріей сырого питанія, проповѣдуемой шведомъ, и что онъ вмѣстѣ съ нимъ ѣлъ его первобытную пищу. Кромѣ сырыхъ яблокъ, шведъ готовилъ какія-то лепешки, которыя онъ ѣлъ тоже сырыми, и пилъ болтушку изъ овсяной муки съ водой. Тяжелыя, какъ камень, лепешки, конечно, совершенно разстроили здоровье отца, который всю жизнь страдалъ болями желудка, и онъ сильно поплатился за свое увлеченіе. Онъ пишетъ матери уже послѣ припадка, что у него „2-го мая были довольно сильныя боли въ животѣ, похожія на тѣ, которыя бывали у меня при камняхъ“.

Но мать была уже освѣдомлена о случившемся еще раньше и, до прихода письма отца въ Москву, летѣла уже въ Бѣгичевку. Дѣло въ томъ, что хозяйка имѣнія, въ которомъ мы жили съ отцомъ, Е. П. Раевская, испугавшись болѣзни отца, послала матери письмо или телеграмму, предупреждая ее въ томъ, что въ Бѣгичевкѣ поселился какой-то сумасшедшій старый шведъ, кормящій Льва Николаевича сырой болтушкой, отъ которой Левъ Николаевичъ сильно заболѣлъ желудкомъ, и что шведа надо укротить, иначе за здоровье Льва Николаевича нельзя ручаться.

Въ то время я была въ Москвѣ, такъ какъ, заболѣвъ на голодѣ, я пріѣхала на нѣсколько дней къ матери отдохнуть и поправиться. Мать оставила на меня младшихъ дѣтей и сама поѣхала въ Бѣгичевку „наводить порядки“.

Когда она туда пріѣхала, отецъ уже совсѣмъ поправился.

„Я застала папа здоровымъ, — пишетъ мнѣ мать изъ Бѣгичевки 6-го мая 1892 года, — за столомъ съ огромной компаніей всѣхъ сотрудниковъ, двѣ Философовы и шведъ, спящій на полу...“ Дальше она пишетъ, почему-то называя шведа норвежцемъ: „Норвежецъ уѣдетъ, и совершенно дружелюбно; этого особенно хочеть и Елена Павловна (Раевская, хозяйка Бѣгичевки)“.

На другой день она пишетъ мнѣ: „Старикъ изъ Норвегіи босой и грязный—человѣкъ убѣжденій крайнихъ, но мнѣ не симпатичный. Идеаль его—health, и во имя здоровья—вся теорія. Нравственныхъ идеаловъ, духовныхъ—никакихъ. Былъ богатъ—скучалъ, болѣлъ. Понялъ, что простота, первобытность жизни даютъ здоровье и спокойствіе, и достигъ ихъ. Лежить, какъ корова, на травѣ, копаеть землю, пополощется въ Дону, ѣсть очень много, лежитъ въ кухнѣ—и только. Мы ему очень деликатно сказали, что Елена Павловна пріѣдетъ и что ему надо уѣзжать, и онъ обѣщалъ уѣхать“.

Мать пробыла въ Бѣгичевкѣ дня два-три, наладила питаніе отца и опять уѣхала въ Москву къ своимъ младшимъ дѣтямъ.

Шведъ, вѣроятно, почувствовалъ, что онъ не пришелся по сердцу

моей матери, такъ какъ послѣ ея отъѣзда, въ первомъ же своемъ письмѣ къ ней, отецъ пишетъ: „Шведъ грустенъ, сидитъ въ уголкѣ и зябнетъ, но говоритъ все также радикально и умно“. „Шведъ все также похожъ на пророка Іеремію, и интересенъ“, пишетъ отецъ въ своемъ послѣднемъ письмѣ къ матери изъ Бѣгичевки, 16 мая 1892 года.

Вскорѣ послѣ этого мы всѣ на время съѣхались въ Ясной Полянѣ, чтобы хоть нѣсколько недѣль пожить вмѣстѣ.

Мать со мной и младшими дѣтьми пріѣхала изъ Москвы, а отецъ съ сестрой Машей, поручивъ временно дѣло столовыхъ нашимъ со-трудникамъ, пріѣхалъ изъ Бѣгичевки.

Шведа отецъ съ собой не взявъ, прося его пріѣхать на слѣдующій день послѣ него и обѣщая прислать за нимъ экипажъ въ Тулу на сызрано-вяземскій вокзалъ.

— Когда я ѣзжу одинъ по желѣзнымъ дорогамъ, то меня стѣсняетъ то, что на меня обращаютъ вниманіе. А везти съ собой своего двойника, да еще полуголаго — на это у меня не хватило мужества!—сказалъ онъ намъ, пріѣхавъ въ Ясную.

На другой день я пошла по дорогѣ въ Тулу, чтобы встрѣтить шведа. Онъ меня очень интересовалъ, и мнѣ хотѣлось поскорѣе съ нимъ познакомиться, а кромѣ того, я чувствовала, что мнѣ придется защищать его отъ антипатіи къ нему матери, которую она, не скрывая, выражала.

Помимо этого, меня тревожила мысль о молодой лошади, которую я послала въ Тулу за шведомъ, такъ какъ она была не смирна и пуглива.

Не дойдя до шоссе, я увидела спускающуюся съ горы плетушку. Когда она поровнялась со мной, кучеръ остановилъ лошадь, и я увидела спящее въ телѣжкѣ очень странное существо. Туловище его было закутано въ малиновое байковое одѣяло; изжелта-бѣлая борода высывалась изъ-за одѣяла. Внимательные и, какъ мнѣ показалось, недобрые глаза выглядывали изъ-подъ густыхъ, нависшихъ бровей. На головѣ была большая, потерявшая всякую форму, фетровая шляпа. Ноги до колѣнъ были голыя.

— Я никогда въ жизни больше не поѣду на лошади, — сталъ онъ говорить мнѣ по-англійски, не поздоровавшись и не спросивъ, съ кѣмъ онъ говорить.

— Почему?—спросила я.

— Потому что это жестоко и опасно,—отвѣтилъ онъ.

„Охъ, патворила что-нибудь моя Кандауриха,—подумала я,—не даромъ я за нее боялась“.

Кучеръ рассказалъ мнѣ, что въ то время, какъ они ѣхали въ Тулу по Кіевской улицѣ, Кандауриха чего-то испугалась и подхватила, и,

какъ на грѣхъ, изъ телѣжки выскочилъ шкворень, и шведъ съ кузовомъ и задними колесами остался одинъ посреди улицы, а лошадь съ передками убѣжала. Къ счастью, кучеръ не выпустилъ изъ рукъ вожжей, такъ что ему скоро удалось остановить лошадь и все привести въ порядокъ.

Я сѣла къ шведу въ телѣжку и доѣхала съ нимъ до дома. По дорогѣ мы съ нимъ разговорились, и глаза у него уже перестали быть сердитыми, а смотрѣли на меня дружески.

Шведа въ Ясной приняли холодно. Отецъ давно не былъ дома, и давно не пользовался досугомъ для своихъ литературныхъ работъ. Кромѣ того, въ то время онъ былъ озабоченъ происходившимъ въ нашей семьѣ романомъ, и ему было не до шведа. А мать, какъ сначала его не влюбила, такъ и осталась вѣрна своей антипатіи до конца. Въ Ясной она чувствовала себя въ силахъ противоѣствовать проповѣдуемому шведомъ сырымъ лепешкамъ и овсяной болтушкѣ, поэтому она не протестовала противъ того, чтобы онъ оставался у насъ, но ни интереса, ни симпатіи она къ нему не испытывала. Я же скоро съ нимъ подружилась.

Онъ рассказалъ мнѣ свою исторію.

Сколько въ этой исторіи правды и сколько въ ней преувеличеннаго и выдуманнаго, я не берусь судить, а расскажу ее такъ, какъ онъ ее рассказывалъ.

Исторія начинается съ того мѣста, когда онъ, будучи богатымъ домовладѣльцемъ въ Нью-Йоркѣ, разъ услыхалъ, какъ бѣдная женщина, занимавшая въ одномъ изъ его домовъ подвальный этажъ, жаловалась на свою судьбу и проклинала его, богатаго кровопійцу, за то, что онъ, давая имъ сырое подземелье, за это отнимаетъ у нея послѣдніе ея гроши.

— Я почувствовалъ правду ея словъ, и мое душевное спокойствіе нарушилось. Я пересталъ быть счастливымъ. Такъ какъ наше назначеніе на землѣ—счастье, то я и спросилъ себя: зачѣмъ мнѣ мои богатства, если они приносятъ мнѣ страданія? И я подумалъ: какъ сдѣлать, чтобы опять быть счастливымъ? И я рѣшилъ попробовать отдать всѣ квартиры своего дома даромъ. Женщина, упрекавшая меня, стала упрекать меня еще сильнѣе. „А кто заплатитъ мнѣ за тѣ года горя и лишенія,—кричала она,—которые мы терпѣли, когда, угрожая намъ выселеніемъ изъ сырого подвала на улицу, этотъ кровопійца вымогалъ у насъ наши потомъ и кровью добытыя деньги?“ Въмѣсто счастья начался адъ. Тогда я бѣжалъ. Я уѣхалъ въ Индію и жилъ тамъ своимъ трудомъ. Тамъ я услыхалъ о Толстомъ. *That's the man for me!* Вотъ это человѣкъ для меня!—подумалъ я.—Я буду жить у него и учить его дѣтей физиологіи, для того, чтобы они узнали законы природы и научились жить согласно

пмъ и быть счастливыми. Буду у него работать на землѣ... Вотъ что я подумалъ и отправился къ нему. И вотъ я здѣсь...“

Учить насъ физиологій бѣдному Абрааму не удалось, а на землѣ работать онъ и самъ не пытался. Я думаю, что, начавши въ Бѣгичевкѣ лопатой копать землю подъ картофель, онъ почувствовалъ, что это свыше его 70-лѣтнихъ силъ и отказался отъ этой работы навсегда.

Онъ жилъ въ Яснои, изо дня въ день чувствуя, что онъ не ко двору и что хозяйкѣ дома онъ не по душѣ.

Его уроки физиологій сводились къ тому, что онъ тыкалъ всякую женщину въ бокъ, чтобы ощупать, носить ли она корсетъ, и если таковой оказывался, то онъ проповѣдовалъ о вредѣ его, а если его не было, то онъ за это хвалилъ. Вообще онъ находилъ, что надо носить всегда какъ можно меньше одежды. Спалъ онъ подъ малиновымъ байковымъ одѣяломъ, которое, какъ потомъ оказалось, онъ безъ всякаго спроса увезъ отъ Раевскихъ, носилъ только открытую до пояса рубаху и короткія панталоны, которыя онъ то и дѣло подтягивалъ выше коленъ. Обувя онъ не носилъ и даже вовсе не имѣлъ.

Кромѣ малиноваго одѣяла, у него былъ еще длинный оборванный старый халатъ, который онъ надѣвалъ, когда ему бывало холодно.

Спалъ онъ на балконѣ прямо на полу, безъ всякой постели. Подъ голову онъ клалъ пустую бутылку, находя, что подушка, грѣя голову и затыкая ухо, вредна для здоровья.

Ѣлъ онъ свою болтушку и изрѣдка какіе-нибудь овощи, подаваемые у насъ къ обѣду.

Разъ я предложила ему молока.

— Моя мать давно уже умерла,—отвѣтилъ онъ, мрачно посматрѣвъ на меня.

Такъ какъ я не поняла связи между моимъ предложеніемъ и его отвѣтомъ, то я вытаращила на него глаза.

— Это единственное молоко, на которое я имѣлъ право,—объяснилъ мнѣ шведъ,—а коровье молоко принадлежитъ теленку.

Ясно-полянскіе служащіе съ большимъ презрѣніемъ и возмущеніемъ смотрѣли на шведа, и нашъ слуга иногда предупреждалъ меня и сестру о томъ, чтобы мы не ходили на террасу, такъ какъ шведъ тамъ лежалъ въ слишкомъ большомъ „безбѣльѣ“.

Я разъ попросила Абраама попозировать мнѣ, чтобы сдѣлать съ него набросокъ.

— Хорошо,—сказалъ онъ,—только подождите минутку, я раздѣнусь донага. Нѣтъ ничего прекраснѣе человѣческаго тѣла и его надо изображать нагимъ.

Но я предпочла все же нарисовать его одѣтымъ, хотя онъ для такого наброска не такъ охотно позировалъ.

Какъ-то разъ, идя по парку, моя мать около пруда наткнулась на прогуливающуюся по травѣ голую фигуру. Всматривается—шведъ!

Абраамъ, увидавши ее, нисколько этимъ не смутился, не поторопился спрятаться, а продолжалъ спокойно прохаживаться взадъ и впередъ по солнцу.

На травѣ лежало его бѣлье, которое онъ только что выстиралъ въ пруду. Такъ какъ у него не было перемѣны, то ему приходилось раздѣтымъ дожидаться, пока его единственная смѣна высыхала на солнцѣ.

Мать была возмущена.

Атмосфера недоброжелательства къ шведу въ Ясной все сгушалась, пока не дошло до изгнанія бѣднаго Абраама изъ нашего дома.

Дѣло было такъ. Въ Ясную Поляну пріѣхалъ молодой нарядный французъ М-г Huret, rédacteur au *Figaro*. Онъ пріѣхалъ къ отцу, чтобы разспросить его о голодѣ и написать по этому поводу статью.

Была середина лѣта, было жарко, и мы пили чай подъ деревьями передъ ясно-полянскимъ домомъ. Huret попросилъ у дамъ позволенія закурить и, получивши его, вынулъ сигару и зажегъ ее. Шведъ, сидѣвшій тутъ же, съ нескрываемымъ отвращеніемъ смотрѣлъ на француза и, когда тотъ закурилъ, обратился ко мнѣ, какъ всегда, по-англійски, прося меня перевести французу слѣдующее:

— Спросите у этого человѣка,—сказалъ онъ,—хочетъ ли онъ, чтобы я ему плюнулъ въ лицо?

Я видѣла, какъ моя мать со страхомъ взглянула на меня, надѣясь, что я не исполню просьбы шведа. Но я была молода, во мнѣ было много озорства, и я собиралась позабавиться предстоящимъ поединкомъ. Я быстро взглянула на отца и, замѣтивъ, что онъ съ нѣкоторымъ веселымъ лукавствомъ смотрѣлъ на меня, смѣло и громко сказала:

— M-г Huret, ce monsieur vous demande, si vous voulez qu'il vous crache à la figure?

Huret всего передернуло, и онъ не то съ смущеніемъ, не то съ достоинствомъ спросилъ:

— Mais... pourquoi?

Я передала шведу, что французъ спрашиваетъ: „почему?“

— Скажите ему,—сказалъ шведъ,—что мнѣ тошно отъ запаха дыма, который онъ пускаетъ.

Я перевела.

— А вы ему скажите,—кипятся, сказалъ французъ,—что дамы мнѣ позволили курить, и что я на него не обращаю вниманія, тѣмъ болѣе, что если бы я это сдѣлалъ, то мнѣ было бы тошно отъ вида его грязныхъ ногъ.

— Онъ лжетъ,—спокойно отвѣтилъ шведъ, когда я перевела ему то, что сказалъ французъ.—Скажите ему, что онъ лжетъ, такъ какъ

отъ вида грязи тошно не можетъ быть, а отъ смраднаго дыма не можетъ не быть тошно, непріятно и вредно.

Мать бросала въ мою сторону взгляды ужаса, но я уже не хотѣла остановиться, тѣмъ болѣе, что меня поощрялъ къ этому веселый огонекъ, который я замѣчала въ глазахъ отца.

Наконецъ, французъ совсѣмъ разгорячился и сталъ говорить, что если бы не „ses dames“, то онъ надавалъ бы „des gifflés“ старому нахалу.

Тутъ чувство гостепріимства моей матери взяло верхъ, и она сочла нужнымъ вступить за своего гостя француза. Волнуясь и сердясь, она по-англійски сказала шведу, что если онъ хочетъ быть невѣжливымъ съ ея гостями, то можетъ отправляться изъ Ясной Поляны куда угодно.

Съ той же невозмутимостью и съ тѣмъ же спокойствіемъ, съ которыми онъ говорилъ съ французомъ, шведъ обратился къ моей матери.

— Знаете ли вы,—сказалъ онъ ей,—что у меня на земномъ шарѣ есть пять акровъ земли...

— Такъ и отправляйтесь на нихъ,—перебила его моя мать.

— Я сдѣлалъ расчетъ,—продолжалъ шведъ,—что всякій человѣкъ имѣетъ право на пять акровъ земли на нашей планетѣ. Я, какъ всякій другой, имѣю право на свои пять акровъ. Я желаю взять эти пять акровъ здѣсь.

— Но я этого не желаю!—опять перебила его моя мать.—Беритъ ваши пять акровъ гдѣ хотите, но не въ Ясной Полянѣ!

— Хорошо,—покорно сказалъ старый шведъ,—если вы такъ этимъ противитесь, я могу ихъ здѣсь не брать. Но вы не можете мнѣ отказать въ такомъ количествѣ земли, которое занимаютъ мои двѣ ступни. Вотъ столько,—сказалъ онъ, кладя свои двѣ ладони на столъ, чтобъ показать, сколько земли онъ хочетъ занять.

Мать не пожелала дать ему и столько.

И рѣшено было шведа выселить изъ Ясной Поляны.

Тогда я предложила ему переѣхать въ мое имѣніе Овсянниково, отстоящее отъ Ясной въ 7 верстахъ, въ которомъ стоялъ незанятый небольшой деревянный домъ.

Такъ какъ въ домѣ не было никакой мебели, то я спросила шведа, что ему туда привезти.

— Одну пустую бутылку,—сказалъ онъ.

Я не стала настаивать, и съ этой незатѣйливой мебелировкой шведъ переселился въ Овсянниково.

Въ овсянниковской усадьбѣ жили—въ одной избѣ наша пріятельница М. А. Шмидтъ, а въ другой—сторожъ. Ни Марья Александровна, ни тѣмъ паче, сторожъ не говорили по-англійски, а шведъ не говорилъ по-русски, такъ что онъ былъ обреченъ съ ними на молчаніе.

Иногда мой отецъ ѣзжалъ къ нему верхомъ, часто и я верхомъ или пѣшкомъ бывала въ Овсянниковѣ, и тогда шведъ отводилъ душу разговорами и проповѣдями о простой жизни. Часто я важивала туда своихъ гостей, а иногда шведа навѣщала семья тогдашняго тульского губернатора Зиновьева, жившая на дачѣ въ сосѣдствѣ отъ Овсянникова. Съ нею пріѣзжалъ туда и тогдашній вице-губернаторъ И. М. Леонтьевъ, прекрасно говорившій по-англійски.

Врядъ ли Абраамъ убѣдилъ кого-либо въ необходимости естественной жизни, но его слушали съ интересомъ, такъ какъ онъ прекрасно говорилъ—горячо, искренно и убѣдительно. А его старческая фигура, напоминавшая пророка Іеремію на фрескахъ Микель-Анджело, и красивые широкіе жесты были очень живописны.

Когда онъ оставался одинъ въ Овсянниковѣ, то, сидя на полу въ пустомъ домѣ, онъ писалъ свои записки. Онъ давалъ мнѣ ихъ читать: онъ были написаны по-англійски какой-то странной орфографіей его собственнаго изобрѣтенія. Онъ говорилъ, что онъ упростилъ сложную и нелѣпую англійскую орфографію, но мнѣ, привыкшей къ ходячей орфографіи, трудно было разбирать написанное имъ. Кромѣ того, мнѣ казалось, что то, что онъ говорилъ, было гораздо лучше того, что онъ писалъ.

Ночью Абраамъ ложился спать въ своей пустой комнатѣ прямо на деревянный полъ, подложивъ пустую бутылку подъ шею.

Моему женскому сердцу казалось, что старику иногда должно было бывать грустно и одиноко въ этой глухой, заросшей усадѣбкѣ, въ которой жили калѣка сторожъ и старая, слабая, всегда занятая старушка, съ которыми онъ не могъ имѣть никакого общенія. Но онъ не жаловался. Онъ жилъ весь въ своихъ мысляхъ.

Среди лѣта мы съ отцомъ должны были уѣхать опять въ Бѣгичевку по дѣламъ столовыхъ. Но отецъ захворалъ, и меня отправили туда одну. Всѣ общали мнѣ писать, и, дѣйствительно, съ первой же почтой я получила письма отъ обоихъ родителей, сестры Маши и другихъ. Отецъ писалъ мнѣ нѣсколько порученій и нѣсколько нѣжныхъ, поощрительныхъ словъ. Мать писала мнѣ обо всемъ, что дѣлалось въ Ясной Полянѣ, и, между прочимъ, о шведѣ: „Былъ шведъ, обѣдалъ, внушалъ Зандеру ¹⁾ что-то о медицинѣ, и голосъ его заглупалъ всѣхъ, что было очень скучно“.

Осенью, когда вся наша семья собралась уѣзжать изъ Ясной Поляны, собрался и Абраамъ. Онъ самъ опредѣленно не зналъ, куда онъ поѣдетъ. Денегъ у него было всего 200 рублей, которые онъ, пріѣхавъ

¹⁾ Жившій въ Ясной Полянѣ въ качествѣ репетитора моихъ братьевъ студентъ медикъ.

въ Бѣгичевку, хотѣлъ отдать отцу для голодающихъ, но которые отецъ отъ него не принялъ, не желая оставлять Абраама совсѣмъ безъ денегъ.

Уѣхавъ, Абраамъ забылъ въ Ясной Полянѣ свои часы съ цѣпочкой, къ которой были еще прикрѣплены компасъ и какіе-то инструменты. Мы отослали ему эти вещи въ Швецію, по тому адресу, который онъ намъ оставилъ. Черезъ нѣсколько недѣль мы получили посылку обратно за ненахожденіемъ адресата.

Куда онъ уѣхалъ? Гдѣ онъ скитался? Долго ли еще прожилъ? Гдѣ сложилъ онъ свои старыя кости?—все это вопросы, на которые намъ никогда не пришлось получить отвѣта.

Т. Сухотина-Толстая.